

Татарский Иерофей Алексеевич

Симеон Полоцкий

Его жизнь и деятельность

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ИЗ0

ИЗ0 **Иерофей Алексеевич Т.**
Симеон Полоцкий: Его жизнь и деятельность / Татарский Иерофей Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 351 с.

ISBN 978-5-519-76346-2

Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII в.

ISBN 978-5-519-76346-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1667 гг. и важное участіе въ его дѣятельности Симеона: литературная и устная полемика его съ расколомъ; составленіе имъ соборныхъ дѣяній и его личное присутствіе на соборѣ.—Установившаяся отсюда близость Симеона къ важнѣйшимъ лицамъ въ церковной іерархіи: сношенія его съ восточными патріархами и его старанія объ открытіи чрезъ нихъ высшаго училища при церкви св. Іоанна Богослова.—Отношенія Симеона къ патріарху Іоассафу.—Отношенія его къ Θεодосію, митр. сербскому, къ Питириму митр. Новгородскому и къ Иларіону архіеп. рязанскому.—Его особенная близость къ Лаврентію митроп. казанскому и свѣяжскому и къ Павлу митр. сарскому и подонскому.—Положеніе Симеона при дворѣ: учительство царскимъ дѣтямъ; его общее содержаніе и направленіе.—Придворное стихотворство Симеона: обширность и важность этого рода дѣятельности для его личнаго положенія.—Проповѣдническая дѣятельность Симеона въ связи съ его придворнымъ положеніемъ: побужденія къ ней, ея обстановка и общая задача.—Болѣе мелкіе литературные труды Симеона.—Близость отношеній Симеона къ Θεодору Михайловичу Ртищеву, къ Богдану Матвѣевичу Хитрово и къ другимъ важнѣйшимъ придворнымъ лицамъ: его стихотворство и учительство, какъ главнѣйшія къ тому средства.—Общее вліятельное положеніе Симеона въ Москвѣ, открывающееся въ особенности изъ его отношеній къ современнѣйшимъ южно-русскимъ ученымъ: Лазарю Барановичу, Інокентію Гизелю и Іоанникію Голятовскому.—Враги Симеона Полоцкаго въ Москвѣ: отношенія къ нему расколоучителей и ихъ общій непримиримый характеръ.—Отношенія къ нему чудовскихъ ученыхъ: Епифанія Славявца и ученика его инока Евѣмія.—Борьба латинскаго и греческаго направленія въ Москвѣ.—Явный упадокъ здѣсь „греческаго“ ученія и разсмотрѣніе съ этой точки зрѣнія судьбы патріарха Никона.—Несостоятельность успѣй чудовскихъ ученыхъ подорвать значеніе Симеона.—Обстановка частной жизни Симеона Полоцкаго въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. 63—212.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Жизнь и дѣятельность Симеона Полоцкого въ Москвѣ при царѣ Theodore Алексѣвичѣ: Особенная близость Симеона къ государю, основанная на его прежнемъ наставничествѣ. — Поднесеніе ему „Гласа послѣдняго“ царя Алексѣя Михайловича и „Плачей“ по немъ. — Вызовъ въ Москву Сильвестра Медвѣдева: преданность его и сотрудничество Симеону. — Распространеніе въ Москвѣ протестантскихъ идей и литературная полемика противъ нихъ Симеона. — Учрежденіе Симеономъ Верхней типографіи: его побужденія къ этому, время ея открытія и примѣненіе ея къ педагогическимъ дѣламъ. — Первые изданія Верхней типографіи: „Букварь“, „Тестаментъ Василия царя греческаго“ и „Повѣсть о Варлаамѣ и Иоасафѣ“; проявляющіяся въ нихъ педагогическія идеи Симеона. — Заботы объ учрежденіи высшаго училища въ Москвѣ и составленіе Симеономъ „Привилегіи Славяно-Греко-Латинской Академіи:“ время ея составленія и общій характеръ предположеннаго въ ней училища. — Общее значеніе Симеона какъ учителя. — Проповѣдничество Симеона: мѣсто проповѣдничества и изданіе его проповѣдническихъ сборниковъ. — Стихотворная дѣятельность Симеона: продолженіе имъ прежнихъ пріемовъ стихотворства; новыя религіозныя стихотворенія Симеона; собраніе „Вертограда многоцвѣтнаго“ и „Риномологіона“. — Общественныя отношенія Симеона: помыслы его покровители при дворѣ — Лихачевы и Ромодановскіе. — Недоброжелательство къ Симеону патріарха Іоакима и продолженіе вражды къ нему ипока Евѳимія. — Отсутствіе друзей у Симеона въ средѣ высшихъ представителей церкви и скудость его сношеній съ юзанами. — Обстановка частной жизни Симеона и его попеченія о внѣшнемъ и внутреннемъ благоустройствѣ Заиконоспасскаго монастыря. — Обстоятельства болѣзни и смерти Симеона; его духовное завѣщаніе. — Черты личнаго характера Симеона и общее замѣчаніе о послѣдующей судьбѣ его правленія 213—342

Симеонъ Полоцкій.

В в е д е н і е.

Общее историческое положеніе личности Симеона Полоцкаго.

Личность Симеона Полоцкаго въ исторіи тѣсно связана съ тѣмъ просвѣтительнымъ движеніемъ, которое съ особенною силою открылось въ Московской Руси со второй половины XVII вѣка. Грубое невѣжество, исторически унаслѣдованное отъ прежнихъ временъ, стояло теперь въ совершенномъ противорѣчій съ новыми требованіями жизни и пробудило въ сознаніи лучшихъ людей эпохи мысль о необходимости поворота. На встрѣчу открывшейся потребности въ просвѣщеніи появилось здѣсь въ это время не малое число почтенныхъ и ревностныхъ дѣятелей, и между ними Симеону Полоцкому принадлежитъ едва ли не самое выдающееся значеніе. Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить историческое положеніе личности Симеона Полоцкаго и удобнѣе соразмѣрить въ послѣдствіи его просвѣтительныя заслуги, необходимо бросить общій взглядъ на исторически сложившуюся картину этого невѣчества, которое обширностію своихъ размѣровъ и притязаній условливало общее направленіе жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка.

Не имѣвъ возможности, вслѣдствіе разныхъ неблагоприятныхъ историческихъ условий, развитіе самобытные источники просвѣщенія, Русь Московская издревле, по предаію, получала его отъ Византіи; но, съ политическимъ упадкомъ Греціи, этотъ и прежде уже слабый токъ просвѣщенія почти совершенно прекратился. Съ другой стороны, усвоившее византійское начало удаляло ее отъ всякаго сближенія съ латинскимъ западомъ и, въ особенності, устраняло приходившія отсюда всякаго рода знанія и науки. Отсюда, въ области просвѣщенія, до просвѣтительныхъ начинаній XVII вѣка, здѣсь образовался полный застой, совершенная исключительность, основанная на ревнивомъ обереганіи древнихъ предаій, занесенныхъ сюда изъ Византіи.

Въ Москвѣ, до самаго учрежденія при патріархѣ Филаретѣ греко-латинской школы уже около половины XVII вѣка, не было въ собственномъ смыслѣ школъ, въ которыхъ преподавались бы какія либо науки. Главными разсадниками грамотности и нѣкотораго книжнаго просвѣщенія были до того времени лишь монастыри. Здѣсь сосредоточивались и сохранялись дошедшія до нашего времени обширныя библіотеки по древней письменности; здѣсь же, преимущественно, получали свое образованіе и тѣ немногія лица изъ духовной іерархіи русскаго происхожденія, которыя извѣстны какъ замѣчательные дѣятели въ исторіи нашего древняго просвѣщенія. Но монастырское образованіе было, всетаки, слишкомъ не высоко; оно состояло, большею частію, только въ одной начитанности, въ простомъ умѣньи читать и переписывать книги, и даже въ такомъ своемъ видѣ распространялось не на многихъ. Поэтому, даже мовашеское духовенство въ древней Руси составляло разрядъ людей, большею частію, невѣже-

ственныхъ, и на ученыхъ монаховъ того времени, достигавшихъ иногда большаго умственнаго превосходства путемъ самообразованія, должно смотрѣть только какъ на замѣчательныя и весьма рѣдкія исключенія.

Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что даже высшія іерархическія должности въ Московской Руси были занимаемы лицами, хотя и выходившими почти исключительно изъ монастырей, но не всегда съ достаточнымъ для того образованіемъ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ о епископѣ Тверскомъ Акакіи, въ сказаніи о приходѣ на Русь Максима Грека, говорится, что онъ „*мало ученъ бы грамотъ*“. ¹⁾ А Флетчеръ изъ того же времени объ одномъ епископѣ нашемъ въ Вологдѣ передаетъ слѣдующій, почти невѣроятный въ этомъ отношеніи фактъ: прочитавъ, по предложенію этого иностранца, первую главу Евангелія отъ Матфея, епископъ не могъ ему отвѣчать—какую часть Евангелія составляетъ то, что онъ сейчасъ читалъ. Спрошенный о числѣ Евангелистовъ, онъ отвѣчалъ: „не знаю“. На вопросъ: зачѣмъ онъ поступилъ въ монахи, сказалъ: „чтобы ѣсть хлѣбъ въ покоѣ“ ²⁾. Олеарій даже о патріархѣ Филаретѣ отзываясь, что онъ былъ не очень свѣдущъ въ дѣлахъ вѣры и не могъ спорить съ иностранцами ³⁾; и дѣйствительно изъ печальной исторіи преподобнаго Діонисія, по поводу исправленія Потребника, мы знаемъ, что даже къ такому вопросу, какова прибавка въ молитвѣ во-

1) Опис. рук. Синод. библ. 2. II. 580 стр.

2) Руцинскій: Религіозный бытъ русскихъ у иностранцевъ XVI и XVII вв. Чтенія общ. ист. и древн. росс. 1871 г. кн. 3, 170 стр.

3) Тамъ же.

доосвященія—и огнемъ, онъ не могъ отнестись самостоятельно, а долженъ былъ испрашивать объ этомъ особую грамоту отъ восточныхъ патріарховъ. О преемникѣ Филарета, патріархѣ Іосифѣ извѣстно, что, заботясь о распространеніи въ Россіи церковныхъ книгъ, по возможности, въ исправнѣйшемъ изданіи, онъ, по недостатку надлежащаго научнаго просвѣщенія къ тому, довѣрилъ завѣдываніе этимъ дѣломъ протопопу Аввакуму съ его единомышленниками, и тѣ наполнили книги преднамѣренными ошибками и заблужденіями, ставшими съ тѣхъ поръ краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ послѣдующихъ расколо-учителей.

Если въ столь неблагопріятномъ свѣтѣ представляется образованность лицъ, выходившихъ изъ монастырей даже на высшія іерархическія должности, то легко представить себѣ, что оставалось въ самыхъ монастыряхъ, и каково, вообще, было просвѣщеніе простаго монашескаго духовенства. По свидѣтельству Поссевина, нѣкоторые монахи наши не знали даже, какой у нихъ въ употребленіи монашескій уставъ ¹⁾. А Петрей объ умственныхъ качествахъ нашихъ монаховъ дѣлаетъ слѣдующій рѣзкій отзывъ: „монахи ужасно неприличны, неучены и не умѣютъ ничего отвѣтить, если спросить что нибудь изъ Библіи или отцевъ, объ ихъ вѣрѣ, уставѣ и образѣ жизни; они простосердечно говорятъ, что не въ состояніи отвѣтить на эти вопросы, потому что содержатъ себя въ простотѣ и невѣдніи, не умѣютъ ни читать, ни писать“ ²⁾. Конечно, не всѣ были таковы. И въ средѣ простаго монашескаго

¹⁾ Рущинскій. Чт. общ. ист. и древн. рос. 1871 г. кн. 3, 172 стр

²⁾ Тамъ же.

духовенства въ старину часто находились люди, отличавшіеся обширною начитанностію въ Божественныхъ писаніяхъ; но, лишенные научнаго образованія, они, всетаки, составляли большею частію, разрядъ такихъ книжниковъ, о которыхъ еще Максимъ Грекъ отзывался, что, *„не навикнивъ по сущему тайны священныя философіи богословцевъ, они по чернилу точію проходятъ... сего ради и множайшими согрѣшаютъ“* ¹⁾. Мало того: многіе изъ нихъ, считая начитанность самодовлѣющею мудростію, даже прямо отрицали всякое книжное ученіе; отчего здѣсь происходило уже не простое только невѣжество, но и невѣжество самоувѣренное, надмѣвающееся. Таковъ былъ, напримѣръ, Логинъ, который *„хитрость грамматическую и философію книжное называлъ еретичествомъ“* ²⁾. Таковы же были и всѣ вообще обличители преподобнаго Діонисія, которые, принимаясь разсуждать о столь важномъ дѣлѣ, какъ исправленіе книгъ, сами, по отзыву Арсенія Глухаго, *„едва азбуку умѣютъ, не знаютъ, кои въ азбуку письма гласныя, и согласныя, и двогласныя; а еже осьмъ частей слова разумѣти и къ симъ пристоющая, сиречь роды, и числа, и время, и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ встаживало. Священная же философія и въ рукахъ не бывала“* ³⁾.—Такъ было въ монастыряхъ, въ которыхъ, по свидѣтельству иностранцевъ ⁴⁾, всетаки, были низшія школы, и которые, по характернымъ особенностямъ въ духовномъ настроеніи древней

¹⁾ Соч. Максима Грека. Т. III 70 стр.

²⁾ Житіе преп. Діонисія 21—22 стр.

³⁾ Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 177-й л. 427.

⁴⁾ Рушинскій. Чт. об. ист. и древн. росс. 1871 г. т. 3, 176 стр.

Руси, по преобладанію въ ней религіознонравственной письменности, были, вообще, тогда центрами просвѣщенія.

Внѣ монастырей, въ средѣ бѣлаго духовенства и мірянъ состояніе просвѣщенія въ Московской Руси было еще печальнѣе. Здѣсь даже простая грамотность была чрезвычайно рѣдкостью; потому что вовсе не было необходимыхъ для распространенія оной правильно организованныхъ школъ. — Къ началу XVI вѣка на Руси было такъ мало просто грамотныхъ людей, что даже некого было ставить на низшія церковныя должности, и св. Геннадій архіепископъ Новгородскій, въ посланіи къ тогдашнему митрополиту Симону, слѣдующимъ образомъ изображаетъ свое затруднительное положеніе въ этомъ отношеніи: „приведуть ко мнѣ мужика, и я велю ему апостолъ дати чести, а онъ и ступить не умѣетъ; я ему велю псалтырь дати, а онъ и потому едва бредетъ; и я его отреку, а они извѣтъ творять: *земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто гораздъ грамотъ*“ ¹⁾. Во избѣжаніе крайности — ставить на священнослужительскія должности совершенныхъ неучей, св. Геннадій обращается къ митрополиту съ просьбою „*печаловаться*“ предъ государемъ, Іоанномъ III, о заведеніи, по крайней мѣрѣ, низшихъ школъ грамотности для обученія духовенства. Въ предполагаемыхъ училищахъ онъ предлагаетъ учить: „первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да Псалтыря съ слѣдованіемъ на крѣпко; а какъ то изучать, могутъ послѣ того, проучивая, и канонархати и чести всякія книги“ ²⁾. Но открытіе училищъ и съ такимъ даже

¹⁾ Акты историч. I, т. № 104.

²⁾ Тамъ же.

не притязательнымъ курсомъ ученія едва ли осуществилось на самомъ дѣлѣ; потому что чрезъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ Стоглавъ въ 25 главѣ своей снова говоритъ о ставленникахъ: „ставленники, хотящіе въ діаконы и попы ставиться, мало грамотѣ умѣютъ; поставитъ ихъ святителямъ—противно священнымъ правиламъ, а не поставитъ—святія церкви будутъ безъ пѣнія, православные христіане начнутъ умирать безъ покаянія“. Съ своей стороны, Стоглавъ также дѣлаетъ распоряженіе объ учрежденіи первоначальныхъ училищъ для образованія духовенства, постановивъ въ 26 главѣ своей: „выбрать во всѣхъ городахъ добрыхъ священниковъ и діаконовъ и въ ихъ домахъ учинить училища для обученія пѣнію, чтенію и кононарханію“. Но, сдѣлавъ такое постановленіе, отцы Стоглаваго собора не позаботились, однако же, оградить фактическое осуществленіе онаго какими нибудь опредѣленными матеріальными гарантіями, а предоставили все дѣло па добрую волю частныхъ духовныхъ лицъ; поэтому, какъ ни силенъ былъ авторитетъ этого собора въ тогдашнемъ обществѣ, это постановленіе сего едва ли имѣло большое значеніе на практикѣ, и печальное состояніе просвѣщенія того времени едва ли имъ было подвинуто впередъ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ можно судить изъ того, что соборъ Вселенскихъ Патріарховъ, утвердившій въ 1593 г. патріаршество въ Россіи, снова предлагаетъ и даже постановляетъ правиломъ заводить въ Россіи училища, возлагая въ 7-й главѣ своихъ опредѣленій главное попеченіе объ этомъ на епископовъ ¹⁾. Съ этимъ вполне согласуются и извѣстія иностранцевъ. Іоаннъ

¹⁾ Дѣянія этого собора напечатаны въ *«Скрижали»*, изданной патр. Никономъ въ 1656 г.

Кобенцель (1575) сообщаетъ, что „во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, чему можно научиться въ монастыряхъ“ ¹⁾. А Маржеретъ (1600—1606) пишетъ: „народъ русскій не знаетъ ни школъ, ни университетовъ. Одни священники наставляютъ юношество чтенію и письму, чѣмъ, впрочемъ, не многіе занимаются“ ²⁾.

При столь полномъ отсутствіи правильно организованныхъ способовъ просвѣщенія, даже въ самыхъ первоначальныхъ его основаніяхъ, и образовался въ древней Руси особый родъ профессіи вольнонаемныхъ учителей, такъ называемыхъ „мастеровъ“, которые за извѣстную плату могли обучать желающихъ чтенію и письму. Эти мастера и были здѣсь, такимъ образомъ, главными носителями просвѣщенія; и если въ лѣтописяхъ и житіяхъ встрѣчаются иногда о нѣкоторыхъ лицахъ замѣтки въ родѣ: „возраста достигшу, вданъ бываетъ родителями книгамъ учитися (о митр. Петрѣ)“, то ихъ со всею вѣроятностію и должно относить къ этимъ, именно, учителямъ — мастерамъ. Объ этихъ мастерахъ совершенно определеннымъ образомъ говоритъ св. П'еннадій въ томъ же посланіи своемъ къ митрополиту Симону, жалующься на ихъ излишніе поборы съ своихъ учениковъ. О нихъ же упоминается и въ Стоглавѣ, гдѣ плохо приготовленные ставленники говорятъ святителямъ: „мы учимся у своихъ отцевъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учится негдѣ“ ³⁾. Но каково

¹⁾ Starczewsk. histor. Ruthen. scriptres exteri Ioan. Kobencel. II. 15 p.

²⁾ Сказаніа современн. Самозванца ч. III. 27 стр.

³⁾ Стоглавъ гл. 25. Были даже особые мастера, обучавшіе церковному пѣнію, такъ назыв. „роспѣвщики и творцы“, которые, подобно древнимъ рапсодамъ, путешествовали съ